

Российская Соцкалистическая Федеративная Советская Республика
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. V. Got'e

Проф. Ю. В. Готье

Got'e Yury Vladimirovich.

змутное времіа
СМУТНОЕ ВРЕМЯ

ocherk istorii revoljucionnykh
ОЧЕРК ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
движений начала XVII столетия

движений начала XVII столетия.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

DK
III
· G67
· 1921a

105-324935

TO VTECH VNU
ATC22300000
VTECH VNU

PAUL

947.04
G239

ВВЕДЕНИЕ

Что такое Смутное Время?

Смутным временем обычно называют промежуток в пятнадцать лет между смертью последнего царя Рюриковича — Ивана Грозного в 1584 году и избранием на престол первого царя из дома Романовых, — Михаила Федоровича, в 1613 году. Это было время глубоких потрясений Русской земли, время, когда московское государство опустошалось гражданской войной, что почти покорено иноземцами, в корень разорялось и оно и чужими. За эти пятнадцать лет Россия выделяла сколько политических переворотов, попытки поднять одни сти населения на другие, борьбу партий со свойственной такой борьбе жесточесией. Примеры ужасающей жестокости, беспощадной мести и в то же время проявления высоких доблестей гражданских и военных. Пересказать внешние события этого тревожного времени, когда самобытность русского народа и русского государства стояла краю гибели, составляет задачу предлагаемого очерка. Для рассказа ближе заинтересовал читателя, не лишним будет мне попытаться объяснить, что значат в истории государства и народа такие моменты, как смута, потрясшая отчество три века назад.

Между жизнью народа и жизнью государства, наиболее сложной и совершенной организацией, созданной народом, — с одной стороны, и жизнью отдельного человека — с другой, есть очень много общего. Человек, родившись, растет, развивается, зреет, входит в силу; потом мало-по-малу исходит старость, появляются признаки сдряхления и, наконец, наступает смерть. Жизнь народа длится не десятки, сотни, иногда тысячи лет; мы называем ее — историей: продолжительность зависит, как и жизнь человека, от сию самых разнообразных причин: от происхождения

народа, ст. условий, в которых он живет, ст. толчков, да-
емых соседями, и от событий, охватывающих иногда целые
части света. Но в главных своих чертах жизнь народа
протекает так же, как и жизнь отдельных людей. Народ на-
рождается, уходя и откапываясь от родного племени, за-
нимая и заселяя новые девственные пространства земли,
покоряя другие народы и племена и постепенно сливаясь
с ними в один новый народ. Новый народ зреет и разви-
вается; он умножается в числе и создает прочные формы
своего существования; он переживает время духовного ро-
ста и развития, идет вперед в культуре и цивилизации,
пролагает новые пути в науках и искусствах. Во время роста
и развития своего народа закладывает обычно и основы
своей государственности, созидает тот большой союз, в
который должны входить все, кто принадлежит к этому на-
роду, союз, который воплощает в себе жизнь всего народа и
обеспечивает интересы каждого отдельного лица. Союз этот,
самое мощное и самое необходимое, что должен создать
народ в своем жизненном росте, мы называем государ-
ством. Когда стягается государство, заканчивается время
детства народа; он входит в полосу юности, в которой его
развитие делает дальнейшие успехи, дальнейшие шаги вперед
к могуществу и зрелости, длящимся нередко целые века.
Однако и существование народа имеет свой конец. Слабеют
жизненные силы; внутри развиваются нестроения, вражда,
которые поражают и народ и государство, им сопланяется.
народ уже не в силах отражать внешних ударов, не в си-
лах защищаться от нападающих на него врагов; в конечном
итоге народ и государство перестают существовать, усту-
пая место новым, свежим племенам, перед которыми лежит
тот же путь роста, развития, зрелости, одряхления и смерти.

Сходство между жизнью народа и государства и жизнью
отдельных людей можно усмотреть не только в общем
ходе жизни, но и в отдельных, часто очень существенных
подробностях. Развитие может ити правильно, но его за-
кономерный ход может быть нарушены толчками и потрясе-
ниями. Если жизнь народа развивается правильно, то, как
и в жизни отдельного человека, ход ее отличается мелко-
стью и постепенностью; один возраст незаметно сменяет

другой; могучая зрелость заступает место здоровой юности. И самая старость бывает в таком случае постепенным завершением долгой жизни. Такой путь развития народа в его истории носит обычно название эволюции. Но народ, совершившио так же, как человек, может подвергнуться болезням, переживать опасные для жизни переломы, бурные проявления острых недугов и затяжные хронические боли. Несредко посторонние условия задерживают правильное развитие народной жизни; искусственно преграждаемый рост человека вызывает болезненные наросты и уродства; затор, искусственная плотина тоже вызывает бурю в потоке народной жизни: его воды поднимаются, прорывают плотину и затопляют огромные пространства. Нарушенная правильность восстанавливается лишь спустя долгое время. Уклоняясь от правильного развития, жизнь народа может попасть в тупик, в противоречие с самой собою. Нормальным путем народ и созданное им государство не в силах выйти из исторических тупиков и противоречий; для этого нужны резкие, большей частью насильственные сдвиги. Такие сдвиги, являющиеся последствиями исторических болезней страны и вместе с тем средством исцелиться от них, носят в жизни народа название революций.

Революция совершилась. Сдвиг в жизни народа и государства, тесно и неразрывно связанных одни с другим, произошел. Прорвавшаяся плотина вызвала широкое разлие вод. Нескоро бурный поток входит в свое привычное русло. Вода спадает медленно; река меняет иногда свое ложе и течет по измененному направлению. Долго продолжающийся постепенный отлив протекает неравномерно, неоднократно сменяясь новыми приливами. Конечное успокоение потока ведет чуть не к временному его пересыханию. Нечто подобное бывает и в исторической жизни. Сила прежней болезни вызывает силу в сдвиге; сила революционного сдвига порождает силу и длительность следующего за ним исцеления. Чем глубже болезнь, чем резче сдвиг, тем дальше жизнь народа и государства не может возвратиться в свои исторические рамки. Колебания и нестроения, вызванные революционным потрясением, выражаются в государственных и общественных смутах, сила

я длительность которых зависит от размаха революции и от породивших ее причин. Улетающая, наконец, смута сменяется спокойствием; разочарование и утомление нередко вновь вызывают к жизни такие явления, которые, казалось, павсегда исчезли во время революции. Усталость, с одной стороны, чрезмерная резкость революционных проявлений — с другой, вызывают подчас сильное влечение к прежнему, к отжитому, к тому, что прежде казалось особенно вредным, даже опасным. Оживляющее на время прошлое, даже дореволюционное прошлое или, по крайней мере, стремление к нему, временное отклонение маятника в сторону, противоположную той, в какую он отодвинулся при первом революционном ударе, носит на языке истории название реакции.

Конечное успокоение народа после пережитых болезней и переломов очень часто сопряжено бывает с подъемом и развитием его творческих сил и способностей. Нужды нет, что когда-то жизнь народа отклонилась от правильного пути; пережитое потрясение все же привело к восстановлению равновесия. — Восстановленный физически и духовно народ с новой энергией и силой устремляется в дальнейший исторический путь. И в этом жизнь народа подобна жизни отдельного человека: перенесши тяжелую болезнь, обрушившуюся на давно подготовленный для нее организм, и успешно с нею справившись, человек кажется иногда обновленным, полным сил. Он бодро и смело идет далее по своей жизненной дороге, и ему кажется, что далее уже нет для него ни препятствий, ни болезней, что жизнь потечет для него гладко, безмятежно и бесконечно.

Все народы, оставившие по себе память в истории человечества, переживали болезни, подобные только что описаным. Возьмем для примера хотя бы только величайшие народы Западной Европы — наших недавних врагов и друзей — немцев, французов, англичан. В XVI столетии Германский народ, политически разделенный на мелкие части, притесняемый многочисленными светскими государствами и духовными князьями, забывшими свою принадлежность к церкви Христовой, угнетенный лоборами и податями, поднялся. Мятежами и волнениями наполнены в его истории несколько десятилетий, приведшие к глубоким изменениям

в управлении, в быте народа, а главнее в его духовной жизни. Национальная церковь — вот та сила, которую почел нужным имперский народ в том великим перевороте, за которым так и осталось название церковной «реформации», т.-е. преобразования. Сто лет спустя английский народ, еще в средние века выработавший оригинальные формы государственной власти, которые давали ему возможность участвовать в управлении страной наряду с королем, восстал против государей, стеснявших политическое развитие страны и старавшихся вернуть в нее давно изжитые, и ставшие ненавистными церковные порядки. Последовал ряд революционных порывов, сопровождавшихся гражданскими войнами, пролитием крови, восстанием брата на брата. Но прошло время, наступило успокоение, и страна, обновленная и исцеленная, нашла в себе неведомый запас сил; она стала величайшей в мире империей, а ее политический строй стал образцом едва ли не для всего цивилизованного мира. В конце XVIII столетия наступил черед Франции: она тяготилась безответственным самодержавием королей, политическим рабством, которое французский народ давно перервал. Последовал порыв перед французской революции. Ниспревернуты были вековые устои страны, полилась кровь ее граждан; великие преступления совершины были во имя провозглашенной свободы. Чужеземцы едва не покорили только это освободившися от внутреннего ига народ. И вот этот же народ нашел в себе самом силы для самого широкого воздействия на всю Европу: как с внешней стороны — в победоносных войнах наполеоновского времени, так, и это — самое важное — с внутренней стороны, ибо и наполеоновские армии разносили по различным уголкам Европы те идеи свободы, гуманности и просвещения, с которыми неразрывно связано представление о Франции XIX века.

Наше Смутное время было одной из тех болезней, которые русскому народу и тому государству, которое он создал, пришлось пережить в течение его многосторонней исторической жизни. Оно было вызвано долго назревавшими болезненными явлениями, ярко проявившимися в русской жизни XV и XVI столетий. Оно выражалось целой цепью революционных сдвигов и переворотов, главными из которых были свер-

жение Годуновых, убийство самозванца, народные движения 1606 и 1607 годов и свержение царя Василия с престола. Каждый из таких сдвигов порождал более или менее долгие смуты, нестроения и мятежи. Были времена, когда поднечество иностранцев, казалось, должно было положить окончательный предел самостоятельному существованию русского народа. Все это продолжалось более 10-ти лет. Народная память не выдвинула на первое место какого-нибудь одного революционного переворота, может быть, потому, что их было много и что следовали они очень быстро один за другим. Она более устойчиво сохранила представление о нестроениях и смутах, которыми наша родина была охвачена в течение всего времени от появления первого самозванца до первых лет царствования Михаила Федоровича. Этим надо, может быть, объяснить и самое название, которое наш народ дал этому времени. Теперь отделенное от нас время веками «Смутное время» представляется нам цепью революционных взрывов, разыгравшихся непрерывно один за другим и несших за собой длительные колебания и волнения. Это — историческая болезнь народа и государства, во время которой жизнь нации подвергалась смертельной опасности. Но здоровый организм ее справился с недугом, и понемногу в исторической жизни России наступило успокойние. Так же, как и сама болезнь, оно не было свободно от колебаний, от реакционных возвратов к прошлому. Пережив Смутное время, наша родина, однако, нашла в себе запас новой энергии, позволившей ее сделать дальнейшие успехи на историческом пути и подготовиться к высшему подъему своих исторических сил — к реформам Петра Великого.

Смутное время Московского государства подобно тем историческим болезням и потрясениям, какие имели место и в жизни других народов и государств и которые мы обычно называем революциями. Но жизнь одного народа не вполне совпадает в своем ходе и развитии с жизнью другого народа, точно так же, добавлю еще раз, как жизнь одного человека никогда не походит вполне на жизнь другого. Не совпадает полностью и течение одной и той же болезни у разных организмов. Схожая в целом с революцион-

ными переломами у других народов, спаянная в одно целое цепь революций, которую мы называем Смутным временем Московского государства, протекала с подробностями, одной ей свойственными. Они сообщили Смутному времени оригинальный исторический облик, отличающий его от революций других народов и в то же время и от новой революции,хватившей Россию в XX веке.

Рассказ о русских революциях начала XVII столетия и о сопровождавших их смутах читатель найдет в нижеследующем изложении.

ГЛАВА I

Что подготовило смуту?

В половине XV столетия, точнее сказать, к вохняжению Ивана Васильевича III в 1462 году, московские великие князья уже успели выполнить большую часть той задачи, которая выпала на их долю после татарского разорения,—собрать воедино великорусские земли. Московское княжество, которое за сто с небольшим лет до того, при Иване Калите, не превышало третией части теперешней Московской губернии, в 1462 году обнимало почти все пространство между Окой и верхней Волгой и далеко заходило к северу от последней до Белоозера и Вологды. При Иване III присоединение к Москве великорусских земель пошло еще быстрее. В 1463 году признали главенство Москвы великие князья ярославские; в 1474 г. потеряла самостоятельность оставшаяся еще независимой половине княжества Ростовского; в 1472 г. власть князя московского распространилась на венскую Пермь, т.-е. на северное Приуралье; в 1478 г., после долгой борьбы, потеряла свою самостоятельность Новгородская республика; победа Москвы облегчна была там утомлением и раздражением новгородского простого народа против боярского сословия. «Новгородское государство» отделялось от Москвы небольшим по размерам великим княжеством Тверским, лежавшим на самой московско-новгородской дороге; в 1485 г. пробыл час и этого до сих пор независимого куска русской земли. Тогда же признала власть Москвы малая Вятка, когда-то заселенная новгородской вольницей. В 1490 г. Иван Васильевич получил по звещанию половину великого княжества Рязанского, в последующие годы под его руку перешли земли Северские и Черниговские, до тех пор признавшие власть западно-русского государя—великого князя «литовского и русского». Пресмынику Ивана III, его сыну Василию Ивановичу, осталось только довершить сделанное его отцом; он это и сделал, присоединив к Московскому княжеству Псков (1510 г.), Смоленск (1514 г.) и вторую половину княжества Рязанского (1517 г.).

Так в начале XVI столетия объединилась северо-восточная Русь; к ней примкнули вольные города русского севера и некоторые русские земли, ранее входившие в состав Литвы. Все эти земли вместе составили Московское

государство, границы которого более или менее совпадали с пределами расселения великорусской ветви русского племени. Одной из причин успеха Москвы в съединении русских земель было то, что она была защищена другими русскими землями от внешних врагов. Задача постоянно отражать внешнего врага, непрерывно бороться с ним, выпала на долю тех самых областей и княжеств, которые потом становятся достоянием великих князей московских: Новгород вел борьбу со шведами и немцами, Тверь и Смоленск — с Литвой, северские князья и рязанские — с крымскими татарами. Князья суздальские и нижегородские, передавшие свои владения Москве еще при Василии Темном, стояли против поволжских татар. Москва, укрытая ими, крепла и росла и постепенно поглощала те самые земли, которые ранее служили для нее защитой. Когда съединение земель Москвою кончилось, обстоятельства сразу изменились. Новое государство уже не прикрывалось другими русскими землями, а вплотную подошло или к странам, жившим своей особой исторической жизнью, чуждой и враждебной Руси, или же к степям, людьми которых искасвали татары, совершая свои набеги на Русь.

Пограничная линия, которую приходилось теперь защищать Московскому государству, была громадна и совсем не соответствовала средствам, которыми государство располагало. Начиная от зволжских лесов, тянувшихся вдоль ее первых притоков, Ветлуги и Унжи, через Нижний-Новгород на юго-запад, и до Мурома, Рязани, Тулы, Новосилья до Рыльска. Путевия и Чернигова, рубеж Московского государства беспрестанно подвергался нападениям татар, поданных в то время между ханствами или царствами Казанским, Астраханским, Ногайским и Крымским. С 1500 г. до взятия Казани в 1552 г. можно насчитать до 13-ти крупных походов татар на московские пределы. Последнее появление татар под Москвой, где память об их набегах до сих пор живет в названиях Крымский брод, Крымский мост, относится к 1591 году. Почти каждый год можно было ожидать похода самого крымского хана, не говоря о мелких набегах, преследовавших цель набрать русских погонячиков. Казань также делала набеги на русские пределы до самого конца своего самостоятельного существования: в 1540-х годах казанские набеги достигали Костромы, Плеса, Шуи и Галича. Чтобы защищаться от татар, Москва должна была неслабо стеречь свои границы. Ежегодно с Благовещенья до Филиппова заговенья, 14 ноября, на южной границе государства, по реке Оке, от Калуги до Рязани, выставлялось южное ополчение и усиливались гарнизоны крепостей — той же Калуги, Серпухова, Коломны и Переяславля-Рязанского (нынешнего г. Рязани); другое ополчение располагалось в Нижнем-

Новгороде и от него по Волге вверх до Пскова и Китайца и по Оке до Мурома. По словам Герберштейна, налог императора германского Карла V, конное ополчение, ежегодно стоящее по южным границам Московии, доходило до 20,000 человек.

Такого же напряжения требовали отюшения к Западному соседу — Литве. Соперничество между двумя центрами, собравшими рассеянные русские земли, — Вильной и Москвой, — началось давно, но особенно острым стало с 1492 г., после смерти великого князя литовского Казимира Ягайловича. Если от 1492 года отсчитать сто лет, то выйдет, что 45 из них были заняты военными действиями против Литвы и Польши и только 55 приходятся на долю мира⁹). Таким образом год войны приходится на год с небольшим мира, и если тогдашние арчи исчисляться не миллионами, а в лучшем случае десятками тысяч, то ведь надо помнить, что и население в Московском государстве в половине XVI столетия было не 170 миллионов, как в России 1914 года, а всего, вероятно, не более 4—5 миллионов жителей.

Присоединив Новгород и Псков, Москва унаследовала внешние отношения северо-русских республик. Отюшения эти были связаны с обеспечением торговли между Новгородом и Западной Европой. Путь из Новгорода в Европу был в руках Швеции и Ливонии, далеко не дружески настроенных к russkим. В 1491 году, 13 лет после присоединения Новгорода к Москве, вспыхнула война со Швецией, вызванная тем, что в Ревеле задержали несколько русских и даже сожгли их. Ливонские рыцари неоднократно выступали союзниками Литвы, и не раз Москва терпела поражения от их прекрасно вооруженных полков. Во второй половине XVI века союз между Литвой, Польшей, Швецией и остатками Ливонского ордена преградил дорогу стремлениям царя Ивана Васильевича Грозного более твердой ногой стать на берегах Балтийского моря. Итак, с Ивана III до самого Смутного времени Московскому государству приходилось иметь наготове войско и испытывать постоянное напряжение своих сил.

Для обороны страны государство нуждалось в деньгах и людях. При тогдашнем малом развитии народного хозяйства и хозяйства государственного денег было очень мало. В конце столетия, при царе Федоре Ивановиче, ежегодные денежные доходы Московского государства равнялись, по

⁹) Первая война: 1492—1493; 2-я — 1500—1503; 3-я — 1507—1508; 4-я — 1512—1522; 5-я — 1534—1537; 6-я (г. под. Ливонии) — 1558—1562.